

ПЛЕННИКИ ВАЛЮТНОГО ЛАБИРИНТА

ЕСЛИ БЫ У «СТАРОЖИЛОВ» ЕС БЫЛИ ПРЕЖНИЕ ВАЛЮТЫ, ТО РАДИ ОЖИВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ИХ НЕИЗБЕЖНО ПРИШЛОСЬ БЫ ДЕВАЛЬВИРОВАТЬ: ИТАЛЬЯНСКУЮ ЛИРУ — НА 40%, ПОРТУГАЛЬСКОЕ ЭСКУДО — НА 35%, ИСПАНСКУЮ ПЕСЕТУ — НА 30%. НО ЕВРО ДЕВАЛЬВИРОВАТЬ «ПО ЧАСТЯМ» НЕЛЬЗЯ.

Мебельщикам восемнадцатого века слово «глобализм» было неизвестно, и от перспективы иметь дело с чужестранными покупателями их бросало в дрожь. Бежавший из революционной Франции в Англию королевский краснодеревщик Робер Виньи описывает свою новую клиентуру почти с ужасом: «Они не говорят на человеческом языке, они ничего не смыслят в изящной мебели, они отказываются понимать тонкости моего ремесла. Я чувствую себя в запутанном лабиринте, где одни требуют одно, другие другое, а общепризнанного стиля нет. Всё зыбко, всё непостоянно. К счастью, здесь тоже умеют ценить упорный труд, хоть и не в лудорах, а в гинейях. Впрочем, не всё ли равно, как зовут ту нить, которая помогает выбраться из лабиринта?».

Беглецу от гильотины можно посочувствовать. Но можно и позавидовать: незыблемый курс золотой английской гиней и впрямь оказался для него надёжной путеводной нитью, позволившей понемногу расширить своё дело, стать поставщиком мебели для британского Адмиралтейства и благополучно дожить до глубокой старости. Куда опаснее выглядит тот лабиринт, из которого пытаются сейчас найти выход мебельщики всех пяти континентов: обе его путеводные валютные нити до предела напряжены, грозя вот-вот лопнуть. В части финансовой стабильности ситуация на мировом рынке мебели складывается совершенно по Роберу Виньи: всё зыбко, всё непостоянно. Степень этого непостоянства засвидетельствована ошеломляющей весенней сенсацией: китайский внешнеторговый

баланс, считавшийся эталоном здоровой экспансии, внезапно показал дефицит! В марте импорт в Поднебесную впервые обошёл экспорт — и это после того, как февральское превосходство экспорта над импортом в 7,6 млрд долларов казалось чем-то абсолютно незыблемым. В перечне самых разбалансированных статей числится мебельная торговля.

Для США приоритет чужого импорта и вовсе не в новинку: американские мебельщики открыто предпочли доллару куда более прочную нить юаня, ускоренно выводя в Китай и своё производство, и своё продажи. Для тех компаний, что остаются дома, но покупают комплектующие за рубежом, ситуация ухудшается на глазах. Передовая Furniture Today от 15 апреля была озаглавлена «Надёжность цепочек снабжения вызывает тревогу». Ещё бы ей не вызывать: в тот же день сам Джордж Сорос без обиняков заявил, что мировой рынок на всех парах мчится к краху!

В Евросоюзе динамику мебельного экспорта ещё обсуждают, но уже, скорее, по инерции, имея в виду прежде всего торговлю между членами ЕС (т.е. в пределах одной общей экономики и с одной общей валютой). Примерно с тем же успехом можно было бы обсудить экспорт из Карелии на Псковщину. Или из Невады в Калифорнию. Между тем за пределами респектабельных аудиторий CSIL наблюдается совсем иная динамика — мебельщики спешат срочно, пока курсы основных валют сохраняют хотя бы относительную устойчивость, вывести свои продажи и цепочки снабжения из глобального валютного лабиринта домой, к тем знакомым покупателям и партнёрам, которые «говорят на человеческом языке». Что же происходит на весеннем рынке мебели? И с чего всё это вообще началось?

Многие утверждают, что всё началось с Греции.

МАГИЧЕСКАЯ ФАКЕЛАКИЯ

Исходя из стандартов обычного бизнеса, афинский мебельный салон «Эгилио» должен был обанкротиться ещё в 2006 году, когда Зоя Аргириди, заявив, что дело приносит ей одни убытки, снизила зарплаты персонала ниже прожиточного уровня. Но банкротства не последовало: владелица салона, как ни в чём ни бывало, продолжает торговать себе в убыток, а нищий персонал продолжает прилежно трудиться, поругивая лишь дороговизну бензина да толпы немцев, взвинтивших цены отдыха на курорте Халкидики. Чёрная магия? Нет. То есть, в Греции, конечно, всё есть, но чёрной магии там всё же не имеется. Зато имеется факелакия. Так называют конверты с деньгами, вручаемые одними греками другим грекам, минуя кассовые аппараты, налоговые реестры и прочие глупые формальности. Пристрастие греческого частного сектора к факелакии подтверждается статистикой: почти половина из 11 миллионов жителей овладела секретом счастливой жизни при ничтожном годовом доходе в 12.000 евро. Мебельщикам повезло – со своими 15.000 они роскошествуют у верхней границы этой усреднённой планки, а самыми бедствующими являются доктора, чьи жалкие заработки даже на тысячу в месяц не вытягивают.

Министр финансов Греции Папаконстантину честно признался телезрителям, что не понимает, «каким образом можно декларировать доход в 12.000 евро, приобретая виллы, яхты, машины, и посылая детей в дорогие частные школы?». Присутствуя на интервью частный сектор, он наверняка ответил бы своему непонятливому министру всё тем же универсальным заклинанием: «Факелакия, факелакия, факелакия». По размаху коррупции Греция уступает в ЕС лишь признанным чемпионам этого вида финансовой активности – Румынии и Болгарии. Папаконстантину призывает налоговую полицию к искоренению взяточничества в частном секторе, но почему-то обходит вниманием другую половину греческих тружеников. Как себя чувствуют бедняги из бюджетного сектора, чьи размеры дохода точно определены самим государством?

Бедняги тоже довольны. И даже являются героями ночных мечтаний любого факелаковского частника. Потому что согласно законам, принятым социалистическим правительством, бюджетникам создан истинный рай на земле: зарплата там обязана обгонять инфляцию на 3% в год, работа длится точно с 08.00 до 14.00 и ни секундой больше, будь ты хоть министр, хоть грузчик почтового фургона. Плюс «тринадцатая» на Рождество, плюс пол-оклада на Пасху, плюс оплата проезда и жилья в отпусках, плюс самое заветное: уволить сотрудника госсектора можно только за доказанное судом уголовное преступление. У нас бы сказали «гуляй не хочу», но в Греции другие нравы: её бюджетники самозабвенно бастуют, добываясь на массовых демонстрациях то зарплат повыше, то льгот побольше. Хотя на содержание госслужащих уже и так уходит 40% бюджета страны.

НО КОГДА ЧАСТНЫЙ СЕКТОР ПРЕКРАЩАЕТ ПОПОЛНЯТЬ ДОХОДЫ КАЗНЫ, А БЮДЖЕТНЫЙ СЕКТОР РАСШИРЯЕТ ЕЁ РАСХОДЫ, ТО ЕДИНСТВЕННЫМ СПОСОБОМ ПОДДЕРЖИВАТЬ СТОЛЬ ШИРОКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТАНОВЯТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ.

К маю они достигли четверти триллиона евро – суммы, которая и в лучшие времена была бы неподъёмной для греческой экономики.

Её состояние хорошо отражает мебельная отрасль, некогда вполне успешная: в девяностых годах продукцию её лучших компаний «Стефос», «Братья Аретаки», «Дромеас» знали от Ливана до Канады. Сегодня отрасль деградирует даже на внутреннем рынке, стремительно теряя былую конкурентоспособность. Оценивая шансы работы британских мебельщиков в странах ЕС, прогноз лондонской FIRA на 2010 год с уважением отмечает достижения словенских, польских, чешских соперников, а вот о мебельной индустрии Греции в английском прогнозе и слова нет, будто она вообще не существует. Но что англичане – ни малейшего уважения к греческим мебельщикам не проявляют даже их собственные сограждане! По сообщению пресс-агентства «Эпиплеон», фермеры, заявившиеся в колонне тракторов и грузовиков на апрельскую отраслевую выставку «Фурнидек», принялись вышвыривать мебель со стендов, заменяя её своей продукцией. Таким своеобразным способом они выражали недовольство итогами агровыставки, прошедшей месяцем ранее. К полиции мебельщики обращаться не стали. Потому что фермеры – это особая греческая песня. Власти смертельно боятся лишний раз раздражать тех, кто и так по целым неделям парализует дороги страны армадами своей сельхозтехники. На урожаях эти дружные тракторные набеги слабо сказываются: пока улыбающиеся репортёрам фермеры неспешно попивают у перекрытых магистралей крепчайший «протестный» кофе, их поля и плантации за гроши убирают «невидимки» из Африки, Пакистана, Средней Азии, России, Белоруссии, Албании. Невидимки вкалывают на всех трудоёмких работах и в греческой

Греки любят рекламировать свою мебель на фоне впечатляющих руин древности. В современности ничего впечатляющего давно уже нет

Туристы – частые гости греческих мебельных магазинов. О покупателях этого не скажешь

деревообработке, строительстве, добывающей промышленности, рыбоперерабатывающем производстве. Их почти рабский труд чудовищно мало-производителен, но хозяевам не до повышения конкурентоспособности – они слишком заняты то забастовками, то факелацией, то поисками выгодной приморской недвижимости. Продажи отечественной мебели обрушились в стране за первый квартал так, как ни в одной другой стране ЕС: на 41%. Возникает чисто русский вопрос:

КТО ВИНОВАТ?

Премьер Гиоргис Папандреу, как и положено социалисту, во всём винит несовершенство мировой финансовой системы, одалживающей деньги под слишком высокие проценты. Но мужественно заверяет американскую «Нью-Йорк Таймс»: «Я не уклонюсь от вызова повышения сбора налогов, веря, что не уклонится от него и население, понимающее, что наши реформы несут ему огромные возможности».

Население, как и положено грекам, относится к своим огромным возможностям философски. «Раньше у нас была своя дешевая валюта – драхма – и своя дешевая жизнь», – цитирует такого философа московский журнал New Times. – *Потом кто-то захотел, чтобы у нас была дорогая валюта и дорогая жизнь. Пусть теперь в Брюсселе думают, как нам помочь*. «Кто-то захотел», «Пусть думают» – эти безличные пассивные обороты точно характеризуют общую позицию греческих избирателей, наотрез отказывающихся помогать самим себе. Но действительно: а что думают по этому поводу в брюссельской штаб-квартире Евросоюза?

Там ничего не думают. Там действуют. Думать надо было годы назад, когда греки, взявшись за рычаги социальных льгот и факелации, принялись ломать рамки максимального трёхпроцентного дефицита, предписанного Пактом стабильности ЕС. Теперь, когда недопустимые по закону тринадцать процентов в сочетании с недопустимым же долгом обозначили фактический дефолт члена ЕС, размышлять поздно. Нужно спасать курс евро,

на котором держится доверие к экономике – той самой, в честь возрождения которой слаженный брюссельский хор уже успел сложить заздравные оды и гимны. Вполне понятна быстрота, с которой все члены ЕС выразили готовность «поддержать штаны» истратившегося греческого партнёра. Тем более, что основная тяжесть этой тридцатимиллиардной поддержки ложится не на Литву или Венгрию, а на финансовых гигантов Евросоюза, вроде ФРГ.

Но тут вот что интересно: бюджет самой ФРГ в долгу, как в шелку. Его дефицит тоже вышел за предельные нормы, допускаемые Пактом стабильности. Согласно этим нормам, госзадолженность члена ЕС ни при каких условиях не может превышать 60% от ВВП, тогда как в Германии она составляет на сегодняшний день 73,2% – 1,762 триллиона евро! А вскоре Пакту стабильности суждено окончательно растаять в тумане: согласно информации агентства fra, сумма новых займов, которые правительство намерено взять до конца 2010 года, увеличит огромный долг ФРГ ещё на 100 миллиардов евро. Укреплению потребительского доверия эта кредитная трясина никак не способствует. Всё большая часть денег налогоплательщиков уходит на обслуживание долгов, заметно превышая сумму оборонных расходов, не говоря уже о безнадежно отставшем образовании. Уплата процентов по кредиту заняла в бюджете страны второе место, сразу после неприкосновенной «социалки». Мощная мебельная промышленность ФРГ, разумеется, не чета греческой, но работа потребителя на долги сделала пленниками лабиринта и немецких мебельщиков. Ассоциация производителей мягкой мебели VdDP назвала драматическим спад продаж у компаний более чем с 50 сотрудниками: даже на своём немецком рынке с начала года они упали на 16,69%, а в зоне евро – на все 38,34%.

Считать греков с немцами досадным исключением было бы несправедливо.

Вдобавок к собственным правительствам налогоплательщики Европы содержат ещё и общее «сверх-правительство» в Брюсселе. Расходы на оплату массы чиновников непрерывно растут. А среди членов ЕС растёт число кандидатов на дефолт

Английский художник Фергюсон точно передаёт драматизм ситуации с экспортом: канат, по которому экспортёр ползёт к покупателям, может лопнуть в любую минуту

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ЖЁСТКИМ ФИНАНСОВЫМ НОРМАМ ТИПИЧНО ДЛЯ ЦЕЛОГО РЯДА ЕВРОСОЮЗОВСКИХ «СТАРОЖИЛОВ», ЧЬИ ЗАРПЛАТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСОБИЯ ПРОДОЛЖАЮТ РАСТИ ВОПРЕКИ НЕУКЛОННОМУ СНИЖЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИХ ЭКСПОРТА.

Если бы у «старожилов» были прежние валюты, то ради оживления экономики их неизбежно пришлось бы девальвировать ещё год назад: итальянскую лиру – на 40%, португальское эскудо – на 35%, испанскую песету – на 30%. Но евро девальвировать «по частям» нельзя. Опасность такой ситуации предвидело множество видных экономистов во главе с профессором Тюбингенского университета Иоахимом Старбатти. В 1997 году он даже пытался запретить введение евро через Конституционный суд ФРГ, доказывая, что никому ещё не удалось опровергнуть парадокс Триффина о разрушительном противоречии между глобальным использованием валют и их глубоко национальным характером. Одни страны заботятся о стабильности экономического развития, другие – об укреплении международного престижа, третьи хотят достичь общего благосостояния и т.д. Профессору возражали, что строжайший финансовый контроль, который предусмотрен Пактом стабильности, превратит парадокс Триффина в анахронизм. Внимательно исследовав нормы Пакта, суд встал на сторону энтузиастов евро.

Тем не менее парадокс, как мы видим, и сегодня «живеет всех живых», чрезвычайно болезненно сказываясь на состоянии европейского мебельного рынка.

Чтобы не застрять в дебрях валютного лабиринта даже таким знатокам зарубежных продаж, как итальянцы, пришлось обращаться к правительству с просьбой об экспортных субсидиях для отрасли. Австрийская *Wirtschaftsblatt* уверена, что «Скорее всего кабинет откликнется на SOS мебельщиков. Необходимость поддержания престижа европейского экспорта не оставляет ему другого выхода». Отсутствие альтернатив субсидированию (хотя против китайских доплат своим экспортёрам воз-

ражали в ЕС все, включая итальянцев) ясно и для эксперта Института немецкой экономики Юргена Маттиса: «Еврозона – это улица с односторонним движением: повернуть назад невозможно, сойти с неё – катастрофа».

Экономические инструменты, которые помогают выбраться из лабиринта Малайзии, Перу или Индии (сведение бюджетных трат до минимума, сокращение персонала, привязка зарплат к реальной производительности труда и пр.) для еврозоны абсолютно неприемлемы ввиду трепетного отношения Брюсселя к не раз уже упоминавшейся «социалке». Её всячески холит и пестует масса левых либералов, обосновавшихся буквально во всех министерствах ЕС. Даже на пост главы Евросоюза по международным делам пригласили «красную баронессу» Кэтрин Эштон, чьё полное отсутствие дипломатического опыта (не считая получения денег от СССР за организацию в Англии протестов против ядерного оружия) компенсируется многолетней борьбой за социальное равенство. В итоге этой борьбы Эштон стала самой высокооплачиваемой в ЕС женщиной, с годовой зарплатой в 325 тысяч евро, личным штатом в 20 человек и подчинёнными ей пятью тысячами чиновников крупнейшей в мире дипслужбы.

Хотя в честь евро воздвигли высокий памятник, брюссельские остряки требуют укоротить его как минимум на четверть – соответственно реалиям девальвации

Нынешнее внимание политиков к «интересам трудящихся масс» озадачило бы всех творцов мировых экономических «чудес» – немецкого, японского, китайского. Отец западногерманского чуда Людвиг Эрхард был в этом плане почти жесток: «Немцы – народ предприимчивый, они отлично сумеют позаботиться о себе без помощи государства. Наша задача – обеспечить общий рост экономики». И не следует думать, будто над сохранением каждого рабочего места европейские социалисты трепещут по случаю трогательной любви к рядовому труженнику. У них совсем другая любовь: к власти собственных партий. Которым нужны голоса, и только голоса. Сохранённое рабочее место (или, на худой конец, сохранённое высокое пособие по безработице) – это сохранённый голос «за». Именно поэтому евросоюзовские контролёры, дотошно отслеживающие каждый процент допусков влажности древесины и каждый подпункт мебельных экологических сертификатов, оказались бессильны перед многомиллиардными нарушениями Пакта стабильности. Соблюдать его нормы означало бы сокращать льготы, отпуска, пособия по безработице, а как ведут себя раздражённые избиратели, мы уже знаем из примера массовых «пикников на обочине», устраиваемых греческими фермерами.

Прекрасно понимая, что Евросоюз загнали в лабиринт чрезмерные социальные расходы, посягать на эту священную корову Брюссель не осмелился. Поэтому на весенние проблемы там отреагировали более привычным способом: решили дополнить старых контролёров новыми. Министр финансов Шойбле выступил с идеей создания Европейского валютного фонда, заявив, что «Для внутренней статистики еврозоны нам нужен орган, который обладал бы полномочиями для принятия решительных мер». Канцлер Ангела Меркель назвала предложение своего министра «хорошим и интересным». Брюссельское правительство тоже возражать не стало, и, таким образом, к МВФ, финансируемому в основном американцами, вскоре должен добавиться ЕВФ, финансируемый в основном немцами и французами.

Пример греческих фермеров оказался заразительным: при малейшем намёке на повышение налогов, европейские улицы и дороги наглухо перекрывают колоннами всевозможной техники

Полисмен у входа в небоскрёб Международного валютного фонда отвернулся, не желая замечать пикетчиков с плакатом «МВФ плодит мировую нищету»

ДОЛЖНИКИ ДОЛЖНИКОВ

Свой знаменитый закон о самовоспроизведении бюрократии Паркинсон открыл в последние месяцы существования британской колониальной администрации в Сингапуре, когда глава этой администрации представил план расширения подведомственного ему аппарата вдвое. Идея ЕВФ – из той же «сингапурской оперы», а ссылки Шойбле на «опыт МВФ» заставляют вспомнить о другом законе Паркинсона: чем больше у организации опыт, тем она вреднее. Международный валютный фонд был создан при ООН в 1944 году по сценарию его будущего первого директора – советского агента Гарри Декстера Уайта, устроившегося под боком у доверчивого Рузвельта. Можно смело предположить, что процветание капиталистической системы в планы кураторов Уайта не входило: контроль МВФ самым деструктивным образом сказался на экономике стран, пользовавшихся его услугами, – взять ли Мексику, лишившуюся доходов от «невыгодной» фермерам кукурузы, или Руанду, где условием займа МВФ было резкое обесценивание местных денег, завершившееся страшной гражданской войной. Применять подобный «опыт» в Европе вряд ли целесообразно.

Милая сердцу министра Шойбле цель поддержания «внутренней статистики» вдохновляла и США, но эту иллюзию разрушил де Голль, дерзко потребовавший от МВФ обменять скопившиеся у Франции бумажные доллары на их золотой эквивалент. Крушение иллюзий обошлось в 825 тонн золота. Вслед за Францией опустошать американские золотые запасы принялись Германия, Канада, Япония и прочие страны, так что на исходе семидесятых Штатам пришлось выдернуть из путеводной нити американских мебельщиков её прочную золотую сердцевину, почти на десятилетие заморозив развитие внутреннего рынка мебели (далее страна снова воспрянула, начав жить в кредит).

Наставляя весь мир, МВФ оказался совершенно бесполезен у себя дома: астрономический дефицит бюджета постоянно возрастал, а государственный долг лишь за последние 18 месяцев увеличился на 3 триллиона долларов. После чего евросоюзские министры объявляют МВФ... примером, заслуживающим подражания. Не остаётся ничего другого, как признать, что марксистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» бюрократия использует много успешнее пролетариев: то, что сходит с рук хроническим должникам из США, мгновенно подхватывается чиновниками всех стран Евросоюза.

Оттянуть момент обрыва нити, ожидаемый Джорджем Соросом, могут лишь новые и новые долги. Налогам это уже не под силу: их платит только половина населения США. Остальных американцев причислили к жертвам разной социальной несправедливости. Жертвы наслаждаются плодами политики, названной радикальным социалистом Обамой «Размазывание благ ровным слоем». Перечисление размазываемых благ превратило декларации налоговой службы IRS в целые тома. Даже простейшая индивидуальная форма IRS-1040 содержит 76 пространных пунктов плюс 174 страницы инструкций к ним. Всего же сайт IRS предлагает 1909 форм различных деклараций. Ещё в прошлом году их было 1770. На заполнение этого кафкианского кошмара у бизнеса уходят миллиарды человеко-часов (не считая 31,5 млрд долларов, отданных IRS за специальные компьютерные программы).

Называть всё это «поддержанием внутренней статики» бюрократия может только тогда, когда она уверена в своей абсолютной безнаказанности. И она уверена! Почему бы ей не увеличивать расходы налогоплательщиков, добавляя новых

контролёров к прежним, если, например, в Евросоюзе приходит на выборы не более 40% граждан? А например, в США приходит вдвое больше, но выбирают они «размазывателя благ». А в Австралии, например, случайно выясняется, что в штате правительства есть некий мистер Эддис, когда-то занимавший должность «секретаря по инфраструктуре». Какая у него сегодня должность, не знает даже сам премьер-министр. Неизвестно, где кабинет мистера Эддиса, каков его номер телефона и кто подписал его контракт, но известно, что бухгалтерия аккуратно перечисляет ему еженедельные 5.700 долларов. Сам мистер Эддис для комментариев недоступен. На выборы приходит 100% австралийцев: уклонение от голосования карается там изрядным штрафом.

Роберу Виньи пришлось бежать из революционной Франции за одну-единственную фразу. Когда районный комиссар Мюрвиль гневно осуждал перед его подмастерьями безумные траты казнённого Людовика, Виньи флегматично заметил:

«ВСЕ ВЛАСТИ БЕЗУМНЫ РОВНО НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО МЫ ИМ ЭТО ПОЗВОЛЯЕМ.»

Как известно, после этого он очутился «в запутанном лабиринте», но упорный труд и наличие путеводной нити всё же помогли достойному мебельщику благополучно выбраться из плена. Таких мебельщиков немало и в наши дни, вот только с путеводными нитями дела у них обстоят заметно хуже. Трудно сказать, какая из них оборвётся раньше, когда появится её замена и какой она будет, но мебельный рынок весны 2010 года подтверждает, что первыми выбираются из своих лабиринтов те, кто, как и Робер Виньи, верит в спасительную силу упорного труда. И не кивает при этом ни на Брюссель, ни на Вашингтон, твёрдо зная, что все власти безумны ровно настолько, насколько мы это позволяем. Такое знание – это, в сущности, тоже очень даже неплохая путеводная нить.

Р. Горчаков

Банкиры сетуют, что на возврат к золотому стандарту, учитывая масштабы глобальной торговли, не хватит всего золота мира. Но ясно и то, что нельзя считать стандартом бумажные символы растущих долгов

„...and to think... I thought this job was going to be difficult.“

«Я думал, моя работёнка будет потрудней!» – говорит американский президент, вручая министру финансов очередную кипу новеньких купюр. Вместо ядерного чемоданчика у него кейс «Инструкции по работе на подержанном печатном станке»